

ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: УНИКАЛЬНЫЙ СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

С точки зрения северокорейского руководства история Кореи в познеколониальный период и, особенно, в период японо-китайской (1937-1945) и Второй мировой войн, а также и в первые послевоенные годы даёт намело оснований для того, чтобы ощущать то, что обычно именуют «рессентиментом». Решающее влияние на судьбы Кореи в эти десятилетия оказывали иностранцы – японцы, русские, китайцы, а самим корейцам, включая и нынешнее руководство страны, в лучшем случае отводилось положение второстепенных партнёров, которые без прямой санкции главных игроков могли сделать очень немногое.

Понятно, что рессентимент – чувство болезненное, и что признавать собственную незначительность не хочется никому. Этим обстоятельством, кстати в значительной степени вызваны «войны истории», одной из постоянных черт которых является стремление переписать историю таким образом, чтобы подчеркнуть собственную субъектность.

В случае с Северной Кореей ситуация осложняется тем, что нынешнее северокорейское руководство и, в частности, семья Ким, представитель третьего поколения которой ныне правит страной, строит свою легитимность на утверждении о том, что на протяжении долгого времени, чуть ли ни с начала XX века, именно эта семья и её преданные сторонники являлись главной движущей силой корейской истории. Вдобавок, считается, что (Северная) Корея и корейцы всегда являлись независимыми игроками на мировой арене, которые, если и взаимодействовали с внешними силами, то исключительно на партнёрской и равноправной основе. Распространение

этих утверждений, по мнению северокорейского руководства, способствует легитимизации существующего политического строя, усиливает патриотические настроения и лояльность к нынешней власти, а также облегчают идеологическую мобилизацию населения страны.

В этой обстановке органы идеологического и политического контроля развернули весьма любопытную и специфическую кампанию по переписыванию истории 1930-1953 гг. в соответствии с теми тезисами, которые отвечают текущим политическим потребностям руководства страны. Эта кампания интересна в первую очередь тем, что она, пожалуй, не имеет себе равных в мире по степени радикальности переписывания истории, по степени отхода от хорошо известных подтверждённых большим количеством источников исторических фактов. Фактически речь идёт о создании, более или менее с нуля, целостного нарратива, который имеет мало общего с фактами реальной истории, но зато полностью соответствует идеологическим и политическим требованиям, которые предъявляет к историописанию руководство страны и её политическая элита. Иначе говоря, речь идёт не о «корректировке» интерпретаций в политически желательном направлении, не о замалчивании отдельных «неудобных» или «неприятных» исторических фактов, не о сдвиге акцентов в трактовках, а, фактически, об изобретении (и последующем распространении в массах) исторического нарратива, который в некоторых пунктах полностью противоречит известным фактам, но является политически полезным.

Решение этой, необычной по своей дерзости, культурно-пропагандистской задачи немало облегчается тем обстоятельством, что руководство КНДР обладает полным контролем над производством, распространением и потреблением исторического нарратива. Никакие высказывания, которые отличаются от текущей официальной точки зрения или как-то ставят её под сомнение, недопустимы не только в публикациях в прессе, но и в частных разговорах, не говоря уж о преподавании в школах и вузах. Смена

официальной точки зрения сопровождается быстрым и полным изъятием из публичной сферы всех тех текстов и документов, которые противоречат новой линии.

Абсолютный контроль как над доступом к источникам, включая даже и официальную северокорейскую периодику прошлых лет (по истечении определённого срока с момента их публикации, все газеты и журналы поступают в спецхран), так и над доступом к литературе создают для северокорейских «исторических пропагандистов» такие возможности, о которых другие организаторы «войн памяти» не могут и мечтать.

Поэтому не удивительно, что при ознакомлении с северокорейскими текстами по истории первой половины XX века порою трудно удержаться от того, чтобы не сравнить эти тексты с романами в жанре фэнтези.

В северокорейских текстах по истории подробно и с деталями, но без каких-либо ссылок на источники, описываются события, которые, как хорошо известно из многочисленных документов и свидетельств, никогда не происходили. На страницах этих книг действуют огромные организации и ведут сражения огромные армии, которых никогда не существовало в природе. С другой стороны, реальные творцы истории в этом историко-политическом фэнтези отодвинуты на второй и третий план и либо вовсе не упоминаются, либо упоминаются мимоходом в качестве «подсобных сил», которые лишь помогали корейскому народу и его единственному лидеру Ким Ир Сёну в осуществлении его гениальных замыслов.

В качестве образца текущего северокорейского исторического нарратива здесь будет использоваться «Историю Трудовой Партии Кореи» («Чосон Родондан рёкса»), двухтомник, вышедший в 2017 году в издательстве Трудовой Партии Кореи и подготовленный Институтом истории партии при ЦК ТПК (Чосон Родондань рёкса 1 [История Трудовой Партии Кореи. Том 1]. Пхеньян, «Чосон Родондань чхульпанса», 2017). Как ясно из этого описания, речь идёт об установочной работе, в которой содержится текущая

официальная версия событий последнего столетия корейской истории. Мы сосредоточимся только на событиях 1930-1953 гг.

Будущий северокорейский руководитель Ким Ир Сен родился в 1912 году в семье зажиточного сельского интеллигента и христианского активиста, и вскоре вместе с родителями выехал в Манчжурию. Там, ещё во время своего обучения в китайской средней школе, он вступил в один из коммунистических кружков. В самом начале 1930-х гг. он вступил в созданный китайской Компартией партизанский отряд, и стал членом КПК. Будучи человеком храбрым и образованным, он сделал неплохую карьеру в китайских коммунистических формированиях и к концу тридцатых годов был заметным партизанским командиром в Манчжурии.

Разумеется, всё описанное выше, хотя подтверждается многочисленными документами, совершенно не устраивает северокорейское руководство и его пропагандистский аппарат. Для них политически нежелательно признавать то обстоятельство, что основатель Трудовой Партии Кореи и северокорейского государства Ки Ир Сен, который в пропаганде всегда предстаёт в первую очередь национальным вождём корейского народа, когда-либо был членом какой-либо иностранной Компартии. Им также нежелательно признавать и то, что Великий Вождь и Солнце Нации провёл всю свою (бесспорно, героическую) маньчжурскую партизанскую карьеру, давно ставшую одним из главных государствообразующих мифов, сначала в качестве младшего а потом – среднего и старшего командира в китайских формированиях, которые полностью и безусловно подчинялись КПК.

Поэтому в «Истории ТПК» 2017 года все маньчжурские события тридцатых годов выглядят совершенно иначе. Там говорится, что с самого начала своей деятельности Ким Ир Сен стал основателем некоей «Корейской Народно-революционной Армии», которая включала в себя исключительно корейских партизан-коммунистов. В соответствии с фэнтэзийным нарративом, который предлагает «История», эта армия действовала в Манчжурии, но при этом её

взаимодействие с силами китайских коммунистов было не более чем равноправным взаимодействием с союзниками. Иначе говоря, с самого начала, то есть примерно с возраста 20 лет Ким Ир Сен, если верить официальной северокорейской истории, был верховным главнокомандующим всего национального корейского вооружённого сопротивления, которое являлось равным партнером китайского сопротивления в Манчжурии. Понятно, что данный нарратив направлен, в первую очередь, на принижение и замалчивание роли КПК и иных китайских политических сил, в составе и под полным контролем которых в реальности действовал Ким Ир Сен и иные коммунисты из числа этнических корейцев Маньчжурии.

Излишне говорить, что в тысячах китайских, советских и японских документов того периода «Корейская Народно-революционная армия» не упоминается, хотя там содержится немало информации о действиях (и продвижении по службе) Ким Сон-чжу, молодого и смелого командира, этнического корейца, который служил в частях китайских коммунистов и со временем стал известным под псевдонимом «Ким Ир Сен».

К концу 1930-х гг. японцам удалось подавить партизанское движение в Манчжурии, после чего уцелевшие партизаны, в том числе и Ким Ир Сен, ушли на территорию Советского Союза. После проверки «компетентными органами» (её материалы сохранились и рассекречены), и Ким Ир Сен и некоторые иные партизаны были направлены на службу в Красную Армию. В итоге летом 1942 г. из бывших партизан Манчжурии была сформирована 88-я отдельная стрелковая бригада, располагавшаяся под Хабаровском (документы её рассекречены и находятся в ЦАМО).

В 88-й бригаде Ким Ир Сен был командиром первого батальона, который включал в себя уцелевших корейских партизан общей численностью 120-130 человек. Кроме этого, в 88-й бригаде было также два батальона из бывших китайских партизан и один смешанный батальон. Командовал бригадой

китайский коммунист Чжоу Бао-чжун. Из состава бригады в небольших количествах отбирались люди для выполнения разведывательных и разведывательно-диверсионных задач в Маньчжурии и Корее. Однако в августе 1945 года никакого участия в боевых действиях бригада не принимала, оставаясь в глубоком тылу под Хабаровском. Сам Ким Ир Сен ходил в рейд на территорию Маньчжурии только один раз, весной 1941 г., а после возвращения из рейда всё оставшееся время он постоянно находился в Советском Союзе.

До 1990-х годов в северокорейском официальном нарративе отсутствовало упоминание о том, что в начале сороковых Ким Ир Сен находился в Советском Союзе. Тогда утверждалось, что руководимые Ким Ир Сенем корейские партизаны создали на склонах горы Пэктусан, на границе с Китаем, тайный лагерь, в котором Ким Ир Сен, дескать, обычно и находился вместе со своей женой Ким Чжон Сук. Именно там у них якобы и появился их первенец Ким Чен Ир (в действительности родившийся под Хабаровском). Идеологическая цель данного утверждения понятна: нежелательно признать, что второй правитель северокорейского государства родился в России, то есть на иностранной земле. Вдобавок, легенда о «тайном лагере на Пэктусане» (в действительности, как очевидно и из советских, и из китайских документов, никогда не существовавшем) является также доказательством того, что и сам Ким Ир Сен никогда не терял связь с родиной и её не покидал.

В 1990-е годы, когда появились многочисленные материалы о деятельности Ким Ир Сена в Советском Союзе, северокорейская историография пошла на определённые уступки, и рассматриваемая нами «История ТПК» отражает эту, более позднюю, версию событий. Новый нарратив признаёт, в частности, признаёт, что Ким Ир Сен провёл военные годы в СССР, хотя при этом никуда не исчез ни миф о тайном лагере на Пэктусане, ни утверждения о рождении там Ким Чен Ира. Теперь полагается считать, что Ким Ир Сен и

его семья просто время от времени тайно переходили границу и руководили операциями партизанской армии из тайного лагеря на ПэктусанеЭ, откуда они периодически возвращались в СССР.

«История ТПК» ничего не говорит о 88-й бригаде. Вместо этого там утверждается, что в период с декабря 1941 по март 1941 г. в Хабаровске прошёл ряд совещаний, на которых советские, китайские и корейские представители решили создать совместные корейско-китайско-советские международные вооружённые силы, в которых Ким Ир Сен был корейским со-командующим (с.124). Предсказуемо, в «Истории ТПК» Ким Ир Сен представлен как человек, который инициировал это решение. Там же говорится, что на этих совещаниях «некоторые участники» настаивали на том, что партизаны должны были просто стать военнослужащими Красной Армии. Однако Ким Ир Сен, как говорит «История ТПК», выступил против идеи «беспринципного слияния с Советской Армией, которое привело бы к ситуации, когда одна сторона не признаёт независимость другой стороны и смотрит на неё с высокомерием» (с.124).

Учитывая, что «беспринципное слияние с Советской Армией» - это как раз то, что и произошло в реальной истории, приведённая выше фраза даёт представление о том, с какими чувствами Ким Ир Сен и его окружение впоследствии вспоминал о годах, которые он провёл на службе в Красной Армии.

«История ТПК» 2017 г. утверждает, что в результате вышеупомянутых совещаний были созданы совместные корейско-китайско-советские формирования, на которых возлагалась задача по проведению операций против Японии на Дальнем Востоке. Эта сила в книге выглядит как некая могучая армия, важнейшим компонентом которой были подчинявшиеся Ким Ир Сену корейские части. В действительности число солдат, находившихся под командованием Ким Ир Сена в составе 1 батальона 88 бригады в этот период не превышало 120-130 человек.

Однако в соответствии с содержащимся в «Истории ТПК» официальным нарративом Ким Ир Сен находился в Советском Союзе не в качестве скромного командира неполного батальона в тыловой части, а в качестве одного из трёх равноправных командующих объединёнными советско-китайско-корейскими вооружёнными силами в регионе. В «Истории» специально подчёркивается, что «В рамках объединённых международных вооружённых сил корейские революционеры укрепляли сотрудничество и солидарность с Советским Союзом и китайскими коммунистами, оберегая в то же время самостоятельность своих действий» (с.125).

Боевые действия на Дальнем Востоке начались в ночь с 8 на 9 августа 1945 года. Части 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта (командующий генерал-полковник И.М.Чистяков) пересекли границу и начали стремительное наступление на юг, в то время как части Тихоокеанского флота высадили десанты в ряде городов на побережье Японского моря. 15 августа Япония объявила о капитуляции, но боевые действия в отдельных районах продолжались до 20 августа, когда сопротивление японских войск было подавлено окончательно. В боях за освобождение Кореи погибло около полутора тысяч советских солдат и офицеров.

Ни батальон Ким Ир Сена, ни какие-либо иные «национальные» корейские части в боевых действиях на территории Корейского полуострова не принимали никакого участия. Сам Ким Ир Сен прибыл в Корею вместе с некоторыми из других солдат и офицеров 88-ой бригады в конце сентября 1945 года.

Описания событий августа 1945 года как в северокорейских изданиях выглядят, скажем так, несколько радикально даже по крайне специфическим меркам северокорейского историко-пропагандистского нарратива. Главная задача его авторов очевидна – максимально принизить роль Советской Армии и максимально возвысить роль Ким Ир Сена и его бойцов, которая в

реальной истории боёв за освобождение Кореи была, как мы помним, нулевой.

Этот нарратив сформировался не сразу: в 1950-е годы, северокорейские издания именовали события тех дней «освобождением Кореи от японского империализма силами Советской Армии». В 1960-е годы события августа 1945 г. превратились сначала в «освобождение Кореи», а потом, после 1967 г., в «освобождение Кореи силами корейских партизан».

В «Истории ТПК» событиям августа 1945 г. отведено шесть страниц. На протяжении этих страниц подробнейшим образом рассказывается о том, как «9 августа 1945 г. Великий Вождь отдал приказ частям Корейской Народно-революционной Армии начать генеральное наступление в целях освобождения Родины». Далее рассказывается о том, как, получив этот приказ, силы (напоминаю – в реальной истории не существовавшей) «Корейской Народно-Революционной Армии» нанесли сокрушительный удар по Японской империи и изгнали японцев с Корейского полуострова. В учебнике подробно рассказывается о многочисленных операциях корейских сил, называются места тех сражений, в которых части японской Квантунской армии терпели одно поражение за другим от стремительно наступающих формирований КНРА.

Нельзя не отметить появления на страницах «Истории ТПК» северокорейских парашютистов, десанты которых якобы «захватили важнейшие стратегические районы» (с.139). Кстати сказать, в другом тексте о тех же событиях – в трёхтомной «Истории Кореи» 2016 года издания – говорится конкретно, что внезапной высадкой воздушного десанта КНРА по приказу Ким Ир Сена был занят пхеньянский аэродром (Чосон тхоньса. Ха [Общая история Кореи, том третий]. Пхеньян, «Сахве квахак чхульпханса», 2016). В данном случае мы имеем дело с редким (по своей дерзости) примером исторической апроприации: десант на пхеньянский аэродром тогда

действительно высаживался – только, разумеется, это был десант советских парашютистов.

Советская Армия, которая, как мы помним, в действительности только и вела боевые действия в Корее, на шести страниц «Истории ТПК» 2017 года, посвящённых событиям августа 1945 года, упоминается ровно пять раз, здесь имеет смысл рассмотреть контекст, в котором звучат эти упоминания.

На с.137 речь идёт о том, что перед началом боевых действий Ким Ир Сен встречался с руководством советского Дальневосточного фронта для «обсуждения планов решающей наступательной операции». В «Истории ТПК» об этой встрече говорится очень коротко, хотя в некоторых официальных текстах она расцвечена яркими красками – а в упоминавшемся выше трёхтомнике 2016 г. речь идёт даже о поездке Ким Ир Сена в Москву на «переговоры» с высшим советским руководством. Разумеется, в северокорейском нарративе подразумевается, что с советскими генералами и маршалами встречался не командир батальона, капитан Красной Армии Ким Ир Сен, а руководитель важнейших союзников СССР в регионе.

Далее в «Истории ТПК» упоминается, что на тактическом уровне части КНРА согласовывали свои действия с частями «участвовавшей в операциях против Японии Советской Армии». В третий и четвёртый раз на с.139 сообщается, что корейские части установили контроль над портом Рачжин и «некоторыми районами провинции Южная Хамгён» до высадки советских войск, которые, как подразумевается, таким образом просто вошли в районы, уже очищенные от противника доблестными бойцами Ким Ира Сена.

Пятое упоминание Советской Армии на старницах «Истории» заслуживает особого внимания. На говорится буквально следующее: «15 августа 1945 года о безоговорочной капитуляции объявил японский империализм, по которому решающий удар нанесло всенародное и повсеместное активное сопротивление нашего народа, а также мощные удары Корейской Народно-революционной Армии и участвовавшей в операциях против Японии

Советской Армии» (с.139-140). Итак, политически правильная картина событий ясна: Японская Империя рухнула под ударами Корейской Народно-революционной Армии при некоторой помощи «участвовавшей в операциях против Японии Советской Армии». Показательно, кстати, что формулировка про «участвовавшую в операциях против Японии Советскую Армию» повторяется в «Истории ТПК» дважды, то есть является стандартной формулой.

Такая позиция не означает, что участие советских войск в освобождении страны отрицается – их участие признается, но только в качестве вспомогательной силы. Поэтому в КНДР очень хорошо относятся и к советским воинским захоронениям, и к поставленным в первые послевоенные годы памятникам советским солдатам – в соответствии официальной версией истории они были уважаемыми союзниками и в качестве таковых внесли бесспорный, хотя и ограниченный вклад в освобождение страны. Прибегая к несколько вольным сравнениям, в северокорейском нарративе советским войскам отводится примерно такая же роль, какая отводится Войску Польскому в советском и российском нарративе о Второй Мировой войне. Однако, повторяю, в соответствии с северокорейским нарративом, память о них достойна всякого уважения – ведь советские солдаты и офицеры сражались бок о бок с бойцами Ким Ир Сена, и оказывали им, в меру своих сил и возможностей, содействие в борьбе за освобождение родины.

Характерным примером этого отношения является подача информации о годовщине Освобождения страны в северокорейской прессе. В номере «Родон синмун» от 15 августа 2019 года содержалось большое количество материалов, посвящённых годовщине Освобождения страны – причём это освобождение там приписывалось исключительно силам Ким И Сена и мифической Корейской Народно-революционной армии. Там также помещалась фотография Ким Ир Сена, выступающего на митинге 14 октября

1945 года, который являлся приветственным митингом в честь советских воинов-освободителей. В современной северокорейской историографии этот митинг, на котором впервые появился Ким Ир Сен, именуется «митингом в честь Полководца Ким Ир Сена», а приведённая в номере от 15 августа 1945 г. фотография выступающего на этом митинге Ким Ир Сена колонизована и ретуширована – с неё удалены изображения советских офицеров, в окружении которых стоял тогда Ким Ир Сен, равно как и советский орден, который был у него на пиджаке, и который хорошо виден на оригинале фотографии (оригинал сохранился в советских архивах и неоднократно публиковался – разумеется, за пределами КНДР).

С другой стороны, в номере «Родон синмун» от 16 августа, который вышел на следующий день после празднеств, содержится краткое информационное сообщение о том, что российские дипломаты возложили венки к Монументу Освобождения, который может считаться и памятником советским солдатам и офицерам, погибшим в боях за освобождение Кореи. Таким образом, минимальный и дипломатически необходимый жест в сторону России сделан, и косвенное упоминание советской роли в Освобождении страны выведено на страницы официальной печати – но таким способом, который не ставит под угрозу целостность официального нарратива.

В период с 1945 до 1948 года Северная Корея официально считалась «зоной Советской военной администрации». Управляла страной Советская Гражданская Администрация (несмотря на своё название, она состояла исключительно из военнослужащих и подчинялась командованию 25-й Армии), при помощи которой в стране были заложены основы для создания там дружественного СССР – и на первом этапе во многом ему подконтрольного – северокорейского социалистического государства.

Описание этих событий в «Истории ТПК» тоже достаточно любопытно. На 60 страницах текста, посвящённых истории КНДР в 1945-1948 годах, Советский Союз упоминается ровно три раза.

Во-первых, там упоминается присутствие в Северной Корее советских войск, причём это упоминание звучит в достаточно интересном контексте. Как мы помним, в той «альтернативной истории», которая описана в «Истории ТПК», Корею освободили воины Ким Ир Сена, которые, при некоторой советской поддержке, разгромили Японскую Империю. Однако в таком случае у читателя может возникнуть вопрос о том, как на территории Кореи оказались советские войска. «История ТПК» даёт на этот вопрос вполне убедительный ответ: «Советские и американские части были размещены на территории Кореи *под предлогом* (курсив мой – А.Л.) разоружения разбитой японской армии на территории, соответственно, к северу и югу от разделительной линии по 38-й параллели» (с.146).

Кроме этого, в «Истории ТПК» мимоходом ещё один раз упоминается то, что в Северной Корее в 1945-48 гг. присутствовали части Советской Армии – но только в связи с тем, что, по мнению некоторых «низкопоклонников» (имеется в виду «низкопоклонство перед великими державами», то, есть в данном случае, перед СССР), делало излишним развитие полноценных собственных вооружённых сил (с.163). Наконец, в «Истории» упоминается вывод советских войск из Кореи в декабре 1948 года (с.225).

Как легко догадаться, в «Истории ТПК» нет упоминаний о советской помощи, которая, как хорошо известно из многочисленных документов, в 1946-47 гг. позволила предотвратить вполне реальную угрозу голода и вспышки эпидемий.

Наоборот, авторы «Истории» активно рассказывают о том, как Корея помогала другим – в первую очередь, китайцам. «История» настаивает, настаивает на том, что эта поддержка сыграла важную роль в победе китайских коммунистов во время гражданской войны против националистов.

В действительности ситуация была прямо противоположной. Руководство китайских коммунистов после окончания Гражданской войны в Китае в 1949 году решили перебросить в Северную Корею три «национальных» дивизии

Народно-освободительной армии Китая, которые были укомплектованы этническими корейцами Китая. Эти дивизии были созданы, вооружены и обучены на территории Китая, и их передача стала поистине королевским подарком для появляющейся северокорейской армии. Одна из этих дивизий, Шестая пехотная (изначально – 166-я дивизия НОАК), собственно, и взяла Сеул в конце июня 1950 года.

Мотивы, по которым «История» и представленный ею текущий исторический нарратив говорит о якобы огромной по своему значению северокорейской помощи Китаю, вполне очевидны. Если при описании событий 1940-1948 гг. авторы нарратива озабочены максимальным принижением роли Советского Союза, то при описании событий 1950-53 гг. как и при описании событий 1930-х гг., политически актуальной задачей опять становится преуменьшение роли Китая и китайских коммунистов. В первую очередь, авторы «Истории ТПК» хотят представить присутствие китайских контингентов на фронтах Корейской войны 1950-53 гг. как своего рода «погашение политической задолженности» китайским руководством.

Действительно, события 1950-53 гг. тоже могут послужить ещё одним поводом для ресентимента, в силу чего, естественно, они нуждаются а радикальном переписывании. Как известно, Корейская война началась успешно для КНДР: в августе 1950 г. северокорейские войска контролировали 90% всей территории полуострова и, как тогда казалось многим, южнокорейский режим был обречён. Однако ситуация радикальным образом изменилась после того, как в межкорейский конфликт решили вмешаться в Вашингтоне.

Северокорейские вооруженные силы были практически уничтожены после высадки американцев в Инчхоне в сентябре 1950 года, и только решение китайского руководства направить в Корею войска спасло тогда северокорейскую государственность от полного краха. Начиная с ноября 1950 года, операции на всех важных участках фронта велись вооружёнными

силами Китая, а северокорейские подразделения, в несколько раз уступавшие китайским силам по своей численности, вели бои на второстепенных участках.

Однако на 50 с лишним страницах «Истории ТПК», описывающих события Корейской войны, участие в боевых действиях китайских сил упоминается только три раза. Не сочли нужным там, кстати, упомянуть и о советской военной помощи, хотя прикрытие и войск, и промышленных объектов, и городов с воздуха обеспечивалось советскими истребителями. Кстати, сам факт присутствия советских лётчиков сейчас в КНДР признаётся официально – его не сочли достаточно значимым для того, чтобы удостоиться упоминания в двухтомнике. С другой стороны авторы «Истории ТПК» подробно говорят о группах западных левых интеллектуалов, которые тогда выражали солидарность с Северной Кореей.

+++

В случае с КНДР мы имеем дело с интересным и несколько нетипичным примером «войн исторической памяти», в которых основным противником выступают не геополитические оппоненты, а те силы, которые даже сейчас условно могут считаться союзниками, и которые во время описываемых событий были не просто союзниками, но спасителями. Как мы видим, сам факт участия союзных внешних сил в описываемых событиях не отрицается, но их роль принижается почти комически, в то время как корейские силы в нарративе представляются в качестве главных исторических акторов, действия которых носили безусловно решающее значение.

Правда, острие этой исторической пропаганды направлено исключительно внутрь страны, и подчинена она в первую очередь решению внутриполитических задач. Северокорейские пропагандисты стремятся подчеркнуть особую роль Ким Ир Сена, который в их нарративе

превращается из скромного, хотя и храброго, младшего офицера и полевого командира второго-третьего ряда, каким он был в действительности, в фигуру глобального масштаба. Не менее важной задачей является и подчеркивание национальной самобытности, проведение идеи о том, что Корея и корейцы были всегда независимой силой, действовавшей на мировой арене по своему разумению, в своих интересах, и под руководством своих вождей, которые тоже выше всего на свете ценили их национальную «самость».

Впрочем, если учесть, что описанный выше исторический нарратив стал формироваться в конце шестидесятых, когда были живы многие ключевые участники описываемых в нём событий, включая и самого Ким Ир Сена, нельзя исключать что некоторую роль в его формировании сыграли не только здравые политические расчеты, но и личные эмоции. К счастью для них, почти полная и в своём роде уникальная независимость северокорейского официального историописания от фактов, позволила переписать историю полностью – или, скорее, выдумать ту историю, которая позволяла им, преодолев ресентимент, создать для себя и своего населения ту историю, которую они хотели бы иметь, и которая была бы эффективна для решения стоящих перед ними непростых политических задач.